

ПРОЛОГ

Есть миры, где солнце зелено, а песок черен. Есть — где горы из звонкого хрусталя, а реки несут чистое золото быстрой воды. Есть такие, где снег — цвета крови, а сама кровь, напротив, белее белого. Есть миры, где замки еще не уступили место громадам серых многоэтажных игл, и есть такие, где эти иглы давно заброшены, а на их руинах воздвигаются стены замков.

Есть миры, где рассвет встречает слитное хлопанье мирада крыл существ, парящих высоко над землей, где торжественный гимн восходящему светилу сливается с воплями умирающей на презренной земле бескрылой сыти. Есть миры, где солнечный свет встречает лишь глухую стену закрытых ставен — ибо он там горше яда.

Но речь не о них.

Есть миры, где ночь и день слились неразрывно. Где можно поднять взгляд к солнцу и увидеть звезды. Где можно выйти в ночь и увидеть солнечный свет.

Речь не о них.

Есть миры, где солнце желто, как зрачок дракона, трава зелена, а вода прозрачна. Там тянутся к голубому небу замки из камня и здания из бетона, там рвутся в небо птицы, а люди улыбаются друг другу.

В путь.

ГЛАВА 1

Погас свет.

Когда мелкие неприятности преследуют тебя постоянно, это уже не мелкие неприятности, а одна Большая Неприятная Система. Именно Система, с большой буквы. А теория учит, что ни одна по-настоящему Большая Система не может не иметь под собой по-настоящему Глобальной Причины. Глобальная же Причина — это такая вещь, пренебречь которой можно только один раз.

Виктор на ощупь пробирался к двери, где таился вмурованный в стену, точно сейф, распределительный щиток. Мебель, похоже, решила воспользоваться случаем и слегка прогуляться по квартире, появляясь в самых неожиданных местах. Один оказавшийся на дороге стул он обманул, засада не удалась, зато второй радостно ткнулся ему в ноги. Потирая на ходу ушибленную коленку, Виктор осторожно протянул к нему руку — и тут зазвонил телефон. Даже не зазвонил, а мерзко и ехидно заорал, подпрыгивая от усердия. Так звонят, наверное, когда случился пожар или кто-то умер. Звонки шли частые и отрывистые, вроде бы межгород, а это значит и вправду что-то случилось. Мама позвонила бы лишь в том случае, если на их Богом забытый городишко обрушилась стая огнедышащих драконов.

Огнедышащих драконов с узкими желтыми зрачками...

Виктор помотал головой, отгоняя вдруг привидевшуюся чужь, и прыжками рванул к аппарату, опрокинув по пути стул.

Вероятно, тот же самый, но злокозненно вернувшийся на прежнее место.

Рывком сорвал трубку.

В трубке молчали. Только доносилось очень-очень медленное хрипловатое дыхание.

— Алло? Алло, мама, ты?!

Он уже знал, что это не мама. Но признаваться себе в этом упрямо не хотел.

В трубке размеренно дышали. С присвистом, точно втягивая воздух сквозь неплотно сжатые (острые-острые!) зубы.

— Алло... — повторил Виктор. Устало и покорно, удерживаясь на самой грани телефонной вежливости, рано или поздно превращающейся в поток отборной ругани, от которой через минуту самому становится неловко.

— Не выс-с-совывайся... — шепнула трубка. Протяжно, через силу, словно неведомый собеседник хотел сказать что-то куда более обидное, но тоже нашел в себе силы сдержаться. — Живи... тихо... живи... пока...

Прижимая к уху забибикавшую трубку, Виктор стоял, глядя в просвет между шторами. В просвете была ночь, темнота, слабая жиденькая белизна фонарей с соседней улицы. Нет, люди стали людьми не тогда, когда придумали керосиновые лампы и электричество. Вначале они придумали темноту — такую непроглядную, что природе и не снилась.

— Уроды, — сказал Виктор. — Козлы.

Хотелось сказать что-нибудь позлее и покрепче. Вот только ругаться одному в пустой и темной квартире так же глупо, как поэту декламировать в одиночестве только что сочиненные стихи.

— Идиоты, — добавил Виктор, бросая трубку на рычаг.

Теперь он пробирался к щитку куда медленнее и осторожнее, чем раньше. Спешить не хотелось. Да и некуда было спешить. Выбило пробки в старой квартире, эка невидаль. Позвонил пьяный дурак или обкурившийся сопляк. Со всяким бывает.

Но почему так часто? А?

Большая Неприятная Система. Мама, наверное, сказала бы, что кто-то его сглазил. Но нельзя же быть таким суеверным!

— Пробки, пробочки, — успокоительно сказал Виктор, опершись одной рукой о стену, а другой шаря в поисках распределительного щитка. — Сейчас кнопку нажмем...

Он нащупал что-то холодное, неровное, стал водить пальцем, соображая, на что же напоролся. Виток, другой...

Электропатрон. Пустой. Пробка даже не отключилась, она попросту исчезла.

Руки не удивились, в отличие от сознания. Они, эти руки, медленно, чтобы ненароком не дернуло, отползли от патрона и спокойно приоткрыли входную дверь.

На лестнице, как ни в чем не бывало, горел свет. На полу у самого порога валялась пробка. Вывалилась, значит. Выкрутилась. Случайно. Сама. Бывает?

Нет.

Поражаясь собственной невозмутимости, Виктор поднял пробку. Аккуратно вкрутил на место. Вжал кнопку.

Послушно вспыхнул свет, заголосил телевизор, натужно вздохнул старенький холодильник.

Очередная неприятность. В одном ряду с прорвавшейся трубой, взорвавшимся кинескопом, забившейся канализацией и тому подобным. Чуть поэкзотичнее, правда. Хотя... есть в психиатрии специальный термин для таких «необъяснимых» ситуаций, когда человек абсолютно уверен, что сделал что-то, а на самом деле — нет. Ну, скажем, отвлекся, когда вкручивал эту самую пробку. Вчера, когда ее в последний раз выбивало. Да, вот только почему свет горел? Электрончики тоже поверили в то, что пробка вкручена?

Дверь закрыть надо...

Он потянул ее на себя... и тут в край створки, возле самого низа, вцепились чьи-то тонкие, испачканные кровью пальцы. Вернее, пальчики. Длинные ногти блеснули золотом — яркий, праздничный лак, неуместный, но красивый рядом со свежей кровью.

Наверное, надо было испугаться.

То ли ввевшиеся профессиональные навыки, то ли тот злой, еще не прошедший запал, но Виктор не почувствовал страха. Так же медленно и бережно, как минуту назад, вынимая пальцы из оголенного, ждущего электропатрона, стал открывать дверь. Когда окровавленная рука соскользнула — осторожно протиснулся в щель.

Она лежала на резиновом коврикe, прижав колени к груди.

Девочка-подросток. Девчонка лет тринадцати или, может быть, чуть старше. Рыжая. Волосы недлинные, растрепанные. В черных зауженных брючках и распоротом сбоку темном свитерке.

«Потеряла много крови», — мелькнула первая мысль. Тонкое, высокоскулое, белое-белое лицо. Не мертвенное, даже не бледное — именно белое.

Прежде чем нагнуться к девочке, Виктор все же окинул взглядом лестничную клетку. Не было на ней никого, и не слышно было ни звука. Словно весь подъезд вымер давным-давно, а истекающая кровью девчонка под его дверью появилась из ниоткуда.

Девочка еле слышно застонала.

Он подхватил легонькое тело, машинально отметив, что крови под дверь натекло не так уж и много. Но бледность такая — она-то откуда? И кровавых следов нет, и площадка чистая. Раненая словно с потолка свалилась на его коврик.

Все так же бочком, словно боясь раскрыть дверь шире, он протиснулся обратно в квартиру. Телевизор из комнаты бормотал что-то свое, вечно веселое и успокоительное.

— Больно? — спросил Виктор. Даже не ожидая ответа, просто надо было что-то говорить, пока он нес девочку из прихожей в комнату, укладывал на диван... дьявол с ней, с вытертой светлой обивкой, мгновенно покрывшейся бурыми пятнами. — Сейчас...

Вначале вызвать «скорую». Он не питал лишних иллюзий по поводу оперативности своих коллег, но, значит, тем более это надо сделать в первую очередь. Потом — перевязать девочку. И закрыть дверь!

— Не надо, — неожиданно громко сказала девочка. — Никуда не звони... Виктор.

Он даже не остановился, даже не удивился тому, что девочка знает его имя. Сегодня такая ночь, когда не стоит ничему удивляться. Виктор протянул руку к телефону, сорвал трубку.

И выронил — из микрофона вывернулся, расплываясь в воздухе, клуб вонючего черного дыма.

— Не звони! — повторила девочка.

Собирались медленно — в час Серого Пса, самое унылое время ночи. Час, когда все заранее определено, неизменно и известно наперед. В такое время лучше всего собраться беззаботным кругом старых друзей, развести костерок пожарче, откупорить старое доброе «Aetanne», достать выдавшую виды гитару, да спеть что-то вроде «Эх, по камню, по черному камню, где не чуешь земли ты корней...», а потом, после грустного — что-то донельзя веселое, может, даже фривольное, если нет в компании дам.

Но делать нечего. Час Серого Пса — и скользкие тени крадутся по самому краю ночи, такой темной, что слепой станет проворнее зрячего. Под плащами не видно мечей. То, ради чего они собираются, потребует иного оружия. Не для ритуальных дуэлей с себе подобными. От того, чем кончится эта встреча, зависит многое. И пусть не все из идущих знают размеры опасности, никого не приходится торопить. Медленно расступаются деревья, редеет лес, столетие назад изрядно покалеченный топорами дровосеков. Когда-то здесь тянулись дороги, стояли дома. Но время ничего не щадит. Неумолимое время, с которым никому не хочется соглашаться. Даже молодые деревца, что так любят пепелища, успели вырасти и одряхлеть. Даже камни фундаментов рассыпаются ныне в прах под корнями трав...

Дорога в час Серого Пса опасна, но не так, как в иные часы ночи. Бродят Неупокоенные, высоко в аэре кружат Летящие; из-под лесных завес смотрят голодные алчные глаза тех, кто так и не смог преодолеть векового страха и выйти из чащобы. Их следует остерегаться, но не более. Бояться стоит иных, когда-то бывших друзьями и соратниками. Они, пришедшие с родных берегов, — здесь самые лютые враги. Забыт

давно тот миг, когда они стояли рядом, не сжимая рукояти мечей, забыт и проклят.

Наверное, навсегда...

На разоренной земле, где бессчетные разы сшибались закованные в броню армии, среди иссеченного, измочаленного леска, где каждое дерево истыкано стрелами, на крутой скале, взлетевшей над озером, стоял замок. Вернее, то, что от него осталось.

...Привратные башни обрушивали не пушками и не таранами, те остановились на дальних подступах, завязнув в липких мхах и упав в тайные ямы, — стенобитным заклятием. Остались лишь фундаменты да груды битого камня, обильно припорошенного серой пылью, — магия раздробила гранитные глыбы. Земляные ежи затянули, заткали резаную рану рва, оставленную грубыми заступами.

Приветствовали друг друга молча — этикета и положенных фраз для подобных встреч еще не придумали. Тронный зал был разрушен сильнее всех помещений, когда-то тут отшумела самая отчаянная, последняя битва оборонявшихся и нападавших. До сих пор остатки стен хранили следы наложенной строителями волшбы, последнее, что удерживало их от падения. Единственная уцелевшая винтовая лестница вела в зал, подобно птичьему гнезду прилепившийся к остаткам стены на высоте двадцати человеческих ростов.

Здесь не стоило шутить с магией. Особенно — с боевой.

Потому и встретились тут.

Те, кто пришли первыми, встали у основания разрушенной стены, добровольно соглашаясь, что их силуэты будут легкими мишенями. Знак доверия и мира. Но сколько раз уже эти знаки оборачивались ловушкой, усыплением бдительности, подлым расчетом...

И все-таки это был знак мира.

— Нам надо о многом поговорить, — начал высокий, закутанный в плащ мужчина, вожак пришедших первыми.

— В час Серого Пса? — с иронией отозвались из темноты, где едва угадывались коренастые фигуры припоздавших. Всем известно было, что произнесенное в этот час не стоит принимать слишком уж серьезно.

— В следующий час для нас нет правды, — невозмутимо ответил вожак. — Час Просыпающейся Воды — не наше время. И уж тем более — не ваше. Не стоит тянуть.

— Мы слушаем тебя, Ритор, — согласился незримый собеседник. Словно признал, что не стоит играть словами. — Путь был долог, не зря же мы шли?

Ритор оставил вопрос без ответа. Он так и не смог опознать отвечавшего ему. И это тревожило. Обернувшись, он окинул быстрым взглядом своих товарищей.

Четверо, как и договорено. Братья Клатт, слабые маги, но великолепные бойцы. На них ложилась вся тяжесть охраны в такие часы, когда слабела магия воздуха. Шатти, нестарый еще, но опытный чародей, подобно Ритору, маг первой ступени. Даже сейчас, во время Серого Пса, ненавистное всякой магии, от него исходило едва ощутимое дыхание Силы. По правую руку от Ритора стоял Таниэль, его племянник. Паренек, в свои шестнадцать лет уже заслуживший прозвище Любимец Ветра. Будущая надежда клана Воздуха.

Какое-то предчувствие, неясное и совершенно необоснованное — нет истинных предчувствий в час, когда вся магия мира спит, холодком обдало Ритора. Не стоило брать с собой мальчика! Пусть даже должен, согласно всем обычаям, присутствовать на переговорах кто-то, еще не ставший мужчиной, способный смотреть и слушать со всем присущим юности жаром — все равно.

Он не должен был брать с собой Таниэля!

— Что ты хотел сказать, Ритор? — повторил предводитель собеседников. Странно, он словно был не против заминки...

Ритор встряхнулся.

Предчувствия — чушь. Клан Огня никогда не был их врагом. А сейчас, на переломе ночи, они одинаково слабы — это любого удержит от предательства.

— Война близка, — сказал Ритор. Сказал — словно ринулся в холодный воздушный поток, берущий начало над горными ледниками. Поверит ли кто его словам? Люди клана Огня были первыми, кому он это говорил.

Фигуры у противоположной стены молчали. Застыли в тяжелой неподвижности длинные плащи.

— Война близка, — повторил Ритор. — А в кланах, как всегда, нет единства.

— Мы знаем, — прошелестело в ответ. — Но знаем и то, что единства — настоящего единства не было никогда.

— После войны... — начал Ритор.

— Эти времена давно прошли, — жестко ответил собеседник. Лица его Ритор по-прежнему не видел. Ни обычным зрением, ни тем более бессильным сейчас магическим. — После войны — да. Но потом... Глупо рассчитывать, Ритор, что без общего врага кланы не начнут считаться обидами. Странно слышать такое от тебя, мудрого.

Ритор вздохнул, провел рукой по лбу, не давая укорениться раздражению. Клан Огня славился своим упрямством. Ничего иного он, Ритор, ожидать и не мог.

— Хорошо, — сказал он. — Хорошо. Оставим единство. Пока оставим. Я только хочу сказать, что Прирожденные ничего не забыли и не простили.

— Ты можешь доказать свои слова? Но почему ты тогда настаивал на тайной встрече, почему не созвал всех имеющих Силу?

Лба Ритора коснулась холодная струйка страха. Клан Огня должен был понимать... Хотя они всегда отличались непредсказуемостью, как и питающая их силой своевольная стихия.

— Потому что на Большом Сборе все неминуемо закончится столь же большой сварой, — желчно ответил Ритор. Почему он должен объяснять и без того всем понятные вещи? — Что же до доказательств... Они, Прирожденные, — они все помнят! — Ритор сам поразился отчаянию, прорезавшемуся в его голосе. — Я знаю... все дети Воздуха знают! Южный ветер с Горячего Моря шепчет о кораблях, ждущих у Разлома, приносит запахи кующейся стали и варящихся зелий! А ветер севера набирается сил, чтобы раздуть пламя над нашими городами! Птицы улетают на запад раньше срока, стервятники потянулись из восточных пустынь — они ждут поживы. Прирожденные собирают войско!

— В первый ли раз, Ритор? Они уже пробовали. И сразу после великой войны, и семь лет назад. Что осталось от их армий, Ритор? Помнят ли твои ветра предсмертные крики Прирожденных?